

БЕНЗИН

5 октября 2019

ОТКРЫТИЕ: ОБЪЯВЛЕНИЕ ИСКОПАЕМОГО ТОПЛИВА ОРУДИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Открытие начинается с повторяющегося ритуала: мир — теплее, грязнее, идёт к исчезновению быстрее, чем когда-либо. Но в этот раз тон открытия резче. Команда встречи о бензине делится с публикой темой, по которой они единомышленны: ископаемое топливо должно быть лишено репутации и объявлено орудием преступления. Это не анализ, а позиция.

И ещё одно признание: когда открылась 16-я Стамбульская биеннале, с прискорбием выяснилось, что среди поддерживающих её организаций — компании, чьё единственное дело — ископаемое топливо. На художественном событии, в центре которого климатический кризис, принятие этих спонсорств не считается правильным. И всё же выражается ценность того, что мы здесь, что эти темы вынесены в повестку, что эта площадка открыта. Напряжение от высказывания изнутри так же старо, как и сама биеннале, но birbuçuk — один из немногих голосов, выводящих это напрямую на сцену.

ЦЕНА ОДНОГО ЛИТРА БЕНЗИНА

На сцену выходит экономист. Её вопрос прост на вид: сколько стоит литр бензина? Посмотрели вчерашнюю цену — в Стамбуле на европейском берегу 6,80, на анатолийском 6,86 лиры. Точность до запятой — та чувствительность, которая заставляет задуматься, насколько детально ведётся бухгалтерия. Один литр бензина покрывает примерно двенадцать километров межгородского пути. От Едикуле до площадки биеннале одиннадцать-двенадцать километров — соответствует одному литру.

Но настоящая цена не такова. Стоит начать считать цену одного литра бензина — и бухгалтерская книга растёт лавиной: экологическое разрушение в географиях, где добывается нефть, грязь процессов нефтепереработки, углеродный след транспортной цепи, человеческая и экономическая цена войн, ведущихся ради нефти — счёт крови, тянущийся от Вьетнама до Ирака, от Ливии до Сирии. Цена здоровья от вдыхаемых выхлопных газов: астма, рак, преждевременная смерть. И самое тяжёлое — климатический счёт, который оплатят будущие поколения, долг, навешиваемый на ещё не рождённых людей. Экономист говорит, что хорошо умеет считать издержки, но всю эту цену не может посчитать ни одна бухгалтерская система. Потому что некоторые цены не переводятся в валюту. Экологическая экономика — как раз поле, которое старается сделать видимыми эти не подсчитываемые цены — и бензин один из самых горьких её примеров.

«Все мы так или иначе — часть бензина, его потребители. Но платим 6 лир 80 курушей и закрываем глаза на настоящую цену.»

НАШ ДОМ ГОРИТ

Сцена затемнена. Поднимается несколько голосов. Коллаж из разных речей Греты Тунберг — переведённый на турецкий, то ломающийся, то рвущийся, то повторяющийся. Это перформанс: слова шестнадцатилетней девочки выходят из нескольких уст, кто-то шепчет, кто-то кричит. «Наш дом горит. Я здесь, чтобы это сказать». Надежда, паника, гнев, безысходность переплетены.

«Наш дом горит. Никакое оправдание для бездействия неприемлемо. Когда мы переходим к действию, надежда есть везде.»

Перформанс выносит на сцену самый разительный парадокс Греты: ребёнок вынужден читать проповедь взрослым. «Меня зовут Грета, мне шестнадцать лет» — эта фраза с каждым повторением давит сильнее. «Я хочу чувствовать себя в безопасности, когда иду ночью одна, когда сижу в метро» — климатический кризис — это вопрос безопасности, экзистенциальная угроза. Говорит поколение, у которого крадут будущее, и зал слушает в безмолвии. Эмиссии должны быть сокращены вдвое за одиннадцать лет. Все в этом зале это слышат — но многие ли приехали сюда на бензине?

ИСКУССТВО И ОТМЫВАНИЕ: ИСТОРИЯ МУЗЕЙНЫХ ПРОТЕСТОВ

На сцену выходит музейный работник и, представляясь, говорит: «Если назову себя активистом, это будет несправедливо по отношению к остальным участникам» — но всё, что он рассказывает, и есть сам активизм. Art wash: нефтяные компании, производители оружия отмывают свою репутацию через спонсорство художественных институций. На языке самих компаний это «управление репутацией».

Рассказ начинается с Англии: движение Liberate Tate, упорной шестилетней борьбой с 2010 по 2016 годы добилось прекращения спонсорства BP-Tate. У музея сотни тысяч членов — эта основа делает возможной мобилизацию общественного мнения. Успех расходится волнами: в Нидерландах Fossil Free Culture положили конец спонсорству Shell музея Ван Гога. Во Франции Liberate Louvre борется с Total — на прошлой неделе у них было новое действие. Музейщик уходит дальше назад — в 1969 год, к Artworkers Coalition. Стоимость войны во Вьетнаме — семьдесят миллиардов долларов, космическая гонка — десять долларов на каждого американца. Средний класс задавлен. Группа художников представляет MoMA список из тринадцати требований: права художников, больше места чёрным художникам, доступ рабочего класса в музей. Принят только один пункт: один день в неделю — бесплатный вход. Через два месяца MoMA отменяет его, ссылаясь на потерю дохода, под давлением протестов вынужден вернуть. Эти бесплатные дни продолжаются до 1990-х — затем последовательно переходят на спонсорство Target и Uniqlo. Место общества заняли корпорации.

Затем — поразительное признание: «Я прежде всего музейный работник, и главный спонсор музея, в котором я работаю — нефтяная компания». В турецком контексте у музеев слабая база членства, спонсорство — вынужденность. Не с десятью тысячами членов, а со ста тысячами мы могли бы открыть обсуждение нефтяного спонсорства — говорит он, намеренно провокационная позиция.

«В пространства, не присвоенные обществом, корпорации заходят очень легко. В странах, где общество не присваивает себе свои пространства, я не считаю правильным жаловаться на это на нынешнем этапе.»

ОТ СИНОПА К УЛИЦАМ: КЛИМАТИЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ

Последнее выступление — самое личное. Представитель Extinction Rebellion (Yokoluş İsyani) в Турции рассказывает путь, начавшийся выходом в одиночку на улицу. Мотивация: видеть, чего Грета добилась в пятнадцать лет, и хотеть разделить эту ношу, а не возлагать её на ребёнка.

Самый сильный момент истории — в Синопе. Один ребёнок решил организовать климатическую забастовку. Дети сделали плакаты, сами захотели идти — «обязательно выйдем», сказали они. Организатор колебалась: как поведут себя силы безопасности с детьми? Не рассердятся ли родители? Давайте сфотографируемся, поделимся,

сказала она. Но дети были решительны. Они шли так искренне, что держали плакаты не к себе на грудь, а вперёд, к людям, показывая. Потом пошли играть в парк. Активистка прилегла под деревом и смотрела на детей — даже в условиях Стамбула увидеть такое — радость.

Но вечером один ребёнок, вернувшись, сказал: «Впервые за много лет я играл как ребёнок». Эта фраза врезается в каждого. Дети сами выбрали бороться за климатическую справедливость — но не возложили ли мы невольно на них груз? Не утрачивают ли они своё детство?

«Дети действительно делают всё, что в их силах. А наше поколение, мы, взрослые — достаточно ли мы стараемся ради этого?»

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ: ПОЕЗДОМ В АНКАРУ

Сессия вопросов-ответов набирает неожиданную глубину. Первый вопрос прост: «В чём была ваша мотивация? С чего начинать тем, кто не может перейти к действию?» Но ответы непросты. Индивидуальное действие или структурное преобразование? Это напряжение — сам предмет «бензин» — связь между индивидуальным потреблением и системным насилием. Исследовательница рассказывает старую историю: в 2007-м, чтобы добиться ратификации Киотского протокола, собрали почти 170 тысяч подписей, поехали в Меджлис. На заседании комиссии один депутат спросил — как вы приехали в Анкару? Ответ «приехали поездом» вызвал шок. После выхода бюрократы долго переговаривались: «Смотри, они и на самолёт не садятся, правда». Последовательность убедительна.

Но индивидуального действия одного недостаточно. Между энергией, затрачиваемой на переработку в Стамбуле и в Англии — пропасть; невозможно индивидуальными усилиями снизить эмиссии без сервиса, который к вам приходит. Без изменения политики у принятых индивидуальных мер на эмиссии влияния нет. Один голос предлагает понятие «капиталоцен»: не антропоцен, а эпоха, происходящая из капитализма. Без изменения системы индивидуального преобразования будет недостаточно.

И в зале — маленький, но разительный момент: кто-то признаётся, что вокруг столько веганов, что ему уже стыдно говорить, что он не веган. Индивидуальное действие создаёт общественное давление — это тоже механизм преобразования, мягкий, но действенный. С напоминанием о сопротивлении золотодобыче в Каз Дагы зал расширяется: на следующей неделе в Чанаккале ожидается акция на тридцать тысяч человек, лицензия Alamos Gold истекает 13 октября.

Когда зал расходится со встречи о бензине, все знают: цена литра бензина — не 6 лир 80 курушей. Но сколько она — никто не может посчитать. Возможно, именно то, что её нельзя посчитать — и есть самая настоящая цена бензина.